

III

Неудавшаяся демонстрация 10 июня

Предложение Военной организации

Инициатива в организации демонстрации 10 июня, задуманной прежде всего как проявление массового протеста против приготовлений Временного правительства к скорейшему началу наступления на фронте, принадлежала Военной организации. Президиум Военной организации (в его состав входили Н. И. Подвойский, В. И. Невский, К. А. Мехоношин, С. А. Черепанов и П. В. Дашкевич ¹) впервые подал эту идею Центральному Комитету примерно в середине мая, который, однако, отверг ее ². Вероятно, помня о том, что во время апрельского кризиса Петербургский комитет и Военная организация проявили независимость, ЦК РСДРП (б) распорядился не предпринимать каких-либо политических акций без его ведома ³.

В период с середины мая до начала июня отдельные представители Военной организации по нарастающей усиливали свои требования о проведении вооруженной демонстрации протеста, направленной в первую очередь против попыток Керенского восстановить воинскую дисциплину и ускорить отправку войск в районы боевых действий ⁴. На заседании Петроградской Военной организации 23 мая несколько частей, включая Павловский, Измайловский, Гренадерский и 1-й пехотный запасный полки, заявили, что «готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра» ⁵. Это заявление эффективно использовалось большевиками гарнизона для воздействия на политику Военной организации в течение всего доиюльского периода.

На заседании 23 мая против демонстрации не высказался ни один из присутствовавших, а вот идею о ее проведении поддержала значительная часть солдат-большевиков. Руководство Военной организации было также настроено в пользу ее проведения, поскольку массовое

выражение поддержки программы большевиков, особенно по вопросу о войне, совпадало с открытием I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который проходил с 3 по 24 июня 1917 г. Такое мероприятие, проведенное по инициативе рядовых членов партии, также могло бы послужить росту влияния Военной организации среди все более беспокойных полков гарнизона. На заседании 23 мая лидеры Военной организации Дашкевич и Невский поддержали предложение об организации демонстрации. Но при этом Невский высказал сомнение, что «устраивать демонстрацию, которая не увлечет большинство,— это тактическая ошибка...». Тем не менее его вывод был однозначен: «Если есть уверенность в успехе демонстрации, ее можно проводить». Подытоживая дискуссию, председательствовавший объявил, что маршу быть. В заключение постановили созвать закрытую встречу с представителями Кронштадта, чтобы принять окончательное решение и определить конкретную дату. Встреча состоялась 1 июня, и ее участники проголосовали за проведение массовой демонстрации частей гарнизона ⁶. Военная организация направила в ЦК список полков предположительной численностью 60 тысяч человек, выход которых считался гарантированным ⁷.

Революционное настроение наиболее активных частей Петроградского гарнизона было подвергнуто испытанию 4 июня, на следующий день после открытия I съезда Советов. Несколько сот кронштадтских моряков во главе с большевиками вышли на демонстрацию на Марсовом поле в Петрограде якобы с целью почтить память павших героев Февральской революции. Военная организация явно рассматривала эту акцию как генеральную репетицию своей собственной демонстрации и поэтому, а также для завоевания симпатий Кронштадта в последнюю минуту организовала участие в ней нескольких сот солдат гарнизона. Среди них были подразделения Павловского, Московского, Гренадерского, 1-го пулеметного, 180-го пехотного, Финляндского и 6-го саперного полков, в результате чего 7 июня «Правда» небезосновательно писала о том, что барометр указывает на значительный рост влияния большевиков. На бурлящем эмоциями революционном митинге выступили: Ф. Ф. Раскольников — от имени матросов, Н. В. Крыленко — от Центрального Комитета и представитель Военной организации А. Я. Семашко. Преобладавшие

там настроения особенно ярко проявились в восхвалении Военной организации Кронштадта со стороны Семашко. «Беря с нее пример,— заявил он,— опираясь на нее, мы, действительно, создадим оплот революции»⁸.

Через два дня, 6 июня, Подвойский и Невский подняли вопрос о демонстрации на совместном заседании Центрального Комитета, Военной организации и Исполнительной комиссии Петербургского комитета⁹. Подвойский проинформировал участников этого расширенного заседания о результатах заседания Военной организации 1 июня, потребовав от ЦК незамедлительного принятия решения (иными словами, санкции на проведение демонстрации). Он оправдывал целесообразность ее проведения тем, что она послужит тараном, «который должен пробить брешь на съезде» и позволит расширить «влияние партии в Петрограде». Последовавший за выступлением Подвойского горячий спор отражал противоположные взгляды различных членов Центрального Комитета относительно стратегии и тактики борьбы. В ходе дискуссии образовались по крайней мере две противоборствующие фракции. Одна — во главе с Лениным, твердо выступавшая за проведение демонстрации, и другая — во главе с Каменевым, выступавшая не менее твердо против.

Несмотря на то что опубликованные замечания Ленина по поводу предстоящей демонстрации фрагментарны, они свидетельствуют о его энтузиазме в связи с ее проведением. «Таково мнение солдат и пролетариата,— заявил он.— Их лозунги — наши лозунги. Долой буржуазных министров-соглашателей. Пусть соглашаются с революционным пролетариатом, а не с кадетами. Стоит передать власть Совету, и он немедленно предложит мирные условия». Ленин призвал провести инвентаризацию сил и собраться вновь через два дня для принятия технических решений. Далее Ленин подчеркнул, что со всей серьезностью рассматривает намечаемое наступление на фронте, подготавливаемое Временным правительством, и придает первостепенное значение широкомасштабной антиправительственной, антивоенной демонстрации как средству его саботирования. (В этот момент Ленин, очевидно, был убежден, что передача власти Совету и односторонний отказ России от борьбы против Германии и ее союзников являлись ключевыми факторами для превращения «империалистической» войны во всемирную «классовую войну против эксплуататоров».

По его мнению, удачное наступление послужило бы только интересам «капиталистического» Временного правительства и привело бы к значительной задержке революции ¹⁰.)

Свердлов, Федоров и Сталин поддержали предложение о проведении демонстрации. Свердлов заметил, что «надо дать организованный выход из того настроения, которое есть в массе». Сторонник умеренных действий Федоров предостерег, что демонстрация обязательно должна быть безоружной, на что Невский возразил, если, мол, демонстранты не будут вооружены, шествие будет «кустарным». Представитель Военной организации Черепанов в заключение этой дискуссии заявил: «Солдаты не пойдут без оружия. Вопрос решен».

Ногин, Зиновьев и Каменев со своей стороны резко протестовали против этого, с их точки зрения, опрометчивого и несвоевременного предложения. Признавая, что конфликт назревает, они утверждали, что в масштабах страны реальные силы партии еще недостаточны для осуществления акции, которая, по словам Ногина, приравнивалась к революции. Зиновьев высказал предположение, что поворот (очевидно, в пользу большевиков) только начинается и что, следовательно, мы «ставим на карту голову партии». Как бы то ни было, заявляли представители правого крыла Центрального Комитета, солдатская демонстрация не даст партии ничего, а среди рабочих нет преобладающего стремления дать бой ¹¹. Интересно, что даже жена Ленина Н. К. Крупская, которая редко перечила своему супругу, высказала опасения по поводу предложенной демонстрации: «Она не будет мирной, потому ее, может быть, не надо проводить».

В конце концов стороны согласились провести 9 июня заседание с участием Центрального Комитета, Петербургского комитета, Военной организации, а также представителей полков, профсоюзов и промышленных предприятий для принятия окончательного решения относительно массовой демонстрации солдат и рабочих.

После окончания заседания Центрального Комитета (речь идет все еще о событиях 6 июня) вопрос о демонстрации обсуждался Петербургским комитетом РСДРП (б) ¹². В. И. Невский, бывший представителем не только Военной организации, но и Петроградского района в Петербургском комитете, вновь проанализировал имевшиеся расхождения и представил собравшимся детальную аргументацию в пользу проведения шествия. Он заявил, что

в гарнизоне бушуют страсти, которым нужен выход, и что, хочет того партия или нет, демонстрация состоится. Неясными оставались два вопроса — встанут ли во главе движения большевики и поддержат ли солдат рабочие. Невский допускал, что демонстрация может обернуться для партии серьезной неудачей, но, по его мнению, это лучше, чем отказываться от лидерства. Признавая, что Исполком Совета против вооруженных демонстраций, он советовал предотвратить его вмешательство сокрытием факта намеченного шествия.

Обсуждение этого предложения В. И. Невского (довольно подробный протокол этого заседания опубликован) было не менее интересным и откровенным, чем дебаты на совещании в Центральном Комитете. Важно, что подавляющее большинство членов Петербургского комитета с энтузиазмом восприняли идею о проведении демонстрации и переходе в конечном итоге в наступление против «контрреволюционного» Временного правительства. Некоторые члены комитета выражали довольно серьезные сомнения по поводу массовой поддержки среди рабочих; другие напрочь отметали возможность привлечения к демонстрации рабочих и выступали за участие в шествии исключительно частей гарнизона. Несомненно одно — среди членов Петербургского комитета не было таких, которые, подобно Каменеву, Зиновьеву и Ногину, были категорически против проведения вооруженной массовой демонстрации против Временного правительства.

Наиболее страстно за демонстрацию высказались В. Володарский, А. Дыллэ, В. А. Иванов, П. А. Залуцкий и М. И. Лацис. Недавно вернувшийся из Америки Володарский выразил опасения большинства присутствовавших, заявив, что «если мы не поддержим солдат в их конкретных требованиях, они отвернутся от нас». Как и некоторые другие, он настаивал на необходимости участия рабочих в любой массовой демонстрации. Выражая оптимизм по поводу возможности получения широкой поддержки населения при проведении марша протеста, Володарский утверждал, что настроение масс неуклонно изменяется в пользу большевиков и что «в каждый ближайший час может произойти событие, которое толкнет массу к выступлению». Представитель Василеостровского района Иванов выступил примерно в таком же ключе, заявив, что подавляющее большинство рабочих и солдат безусловно за мирную демонстрацию и такая

акция просто необходима для того, чтобы защититься от противников. Залуцкий подчеркнул, что война работает на большевизм, а демонстрация позволит укрепить позиции большевиков среди масс. Лацис, который поддерживал тесные связи с 1-м пулеметным полком и играл особую роль, поскольку возглавлял влиятельную партийную организацию Выборгского района¹³, согласился с Невским, что военная демонстрация состоится независимо от того, примут большевики в ней участие или нет. По поводу рабочих Лацис сказал, что, судя по тому, как проходили выборы в думу Выборгского района, рабочие готовы выйти на улицы в любой момент¹⁴. Таким образом, по мнению Лациса, имелись все основания полагать, что демонстрация будет внушительной.

Несмотря на то что за проведение совместной демонстрации рабочих и солдат высказалось вслед за Володарским большинство членов Петербургского комитета, А. И. Плотников и М. И. Калинин считали, что участвовать в ней должны только военные. «У солдат есть повод для недовольства,— говорил, например, Калинин,— у рабочих такого факта нет. Революционное настроение среди рабочих есть, но оно выражается в длительной работе сознания». Он предположил, что проведение демонстрации исключительно силами солдат позволит партии четко определить, на что она может рассчитывать.

Судя по протоколам, лишь один представитель Невского района — В. Б. Винокуров энергично возражал против демонстрации в любом ее виде. Винокуров утверждал, что в его районе большевики еще слабы, что солдаты не слушают партийцев, но выйдут на демонстрацию по призыву Военной организации. «Можем ли мы, при такой степени влиятельности, брать демонстрацию под свое руководство? — задавал он здравый вопрос.— Куда может вылиться такая демонстрация?»

Стоит отметить, что в дискуссии принимал участие И. В. Сталин, хотя обычно он крайне редко появлялся на заседаниях Петербургского комитета. Выступая за проведение демонстрации, Сталин наглядно показал, как далеко влево ушли его взгляды со времени возвращения в столицу в марте того года. По его словам, уже предпринятые Временным правительством контрреволюционные меры свидетельствовали о том, что если не бросить ему вызов, то оно вскоре приговорит партию к смерти. Признав, что рабочие не разделяют недовольство

солдат, он заявил: «Мы должны звать массы на борьбу не только тогда, когда настроение кипит, но, раз мы организация, пользующаяся влиянием, наша обязанность будировать настроение массы». В то время когда Временное правительство готовится к наступлению, «мы обязаны дать ему отпор... Наша обязанность организовать эту демонстрацию — смотр нашим силам. При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется», — закончил Сталин на высокой ноте.

Гораздо больше осторожности проявил М. П. Томский, член Исполнительной комиссии Петербургского комитета. Его выступление сочетало интерес к демонстрации с изрядной долей реализма и предвидения. По его мнению, главный вопрос заключался не в том, будет ли демонстрация мирной или вооруженной, внушительной или не очень, а в ее последствиях: «Надо ожидать, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приложит все усилия к тому, чтобы смазать эту демонстрацию, и, прежде всего, постарается повлиять на солдат; и не кончилось бы это аплодисментами по адресу министров. Настроение классового антагонизма так высоко — понаблюдайте в трамваях, — что нельзя предполагать, что демонстрация протечет мирно. Представьте себе, что же может выйти из столкновения сотен тысяч людей, может выйти больше, чем демонстрация. Надо быть сугубо осторожным к этому шагу. Оперирование с настроениями широкой массы есть оперирование с несколькими неизвестными».

Высказав такие опасения, М. Томский настаивал, чтобы Петербургский комитет отложил объявление какого бы то ни было решения до встречи с рядовыми членами партии (то есть до намеченного на 9 июня расширенного заседания). Очевидно, остальные члены Петербургского комитета разделяли его точку зрения, поэтому после завершения дискуссии заседание было прервано без окончательного решения относительно демонстрации.

Петроградская федерация анархистов-коммунистов

До проведения 9 июня заседания большевиков, на котором предполагалось продолжить изучение вопроса о демонстрации, произошел инцидент, подтолкнувший, по прогнозу Володарского, массы к действию. Сам по себе инцидент представлялся незначительным: угроза вы-

дворения анархистов-коммунистов из их штаб-квартиры, находившейся на даче Дурново. Однако он вызвал серьезные беспорядки во взрывоопасном заводском Выборгском районе. Прежде чем приступить к анализу этой кризисной ситуации, хотелось бы сказать несколько слов об анархистах-коммунистах в целом.

Петроградская федерация анархистов-коммунистов была менее рафинированной, более радикальной в тактическом плане и, следовательно, более влиятельной из двух основных анархистских организаций, действовавших в Петрограде летом 1917 г. Другой группой были анархо-синдикалисты¹⁵. Об организации анархистов-коммунистов и ее лидерах известно, по существу, очень немного. Ее вожди выдвинулись на первый план в начале лета 1917 г. Наиболее известные среди них: И. Блейхман — главный представитель анархистов-коммунистов в Петроградском и в Кронштадтском Советах, Аснин — популярный в Кронштадте и 1-м пулеметном полку (убит 19 июня 1917 г.)¹⁶, А. Федоров — член Петроградского Совета, а также П. Павлов и П. Колобушкин, которые сыграли важную роль в организации июльского восстания среди солдат 1-го пулеметного полка.

Программа анархистов-коммунистов была крайне расплывчатой и незамысловатой¹⁷. В брошюре, распространенной ими в начале лета 1917 г., провозглашались немедленный роспуск или отставка всех самодержавных и парламентских правительств, ликвидация капиталистической системы, армии, полиции, всех государственных границ, а также прекращение войны. Здесь же содержался призыв к созданию «совершенно свободного» общества общинного типа без правительства и законов, в котором личная свобода возводится в абсолют, крестьяне владеют землей, а фабрики принадлежат рабочим¹⁸.

Между идеальными обществами анархистов-коммунистов и большевиков существует множество параллелей. Кроме того, их позиции совпадали и по таким насущным вопросам, как продолжение войны, восстановление дисциплины в армии, введение рабочего контроля в промышленности и оппозиция Временному правительству. Случаи взаимной поддержки этих двух партий не были редкостью. Так, В. Н. Залежский, в 1917 г. член Петербургского комитета и Гельсингфорсской партийной организации, вспоминает, что анархисты-коммунисты пользовались огромным влиянием в Кронштадте, однако «фактически анархисты шли не только рука об руку

с большевиками, но скорее за большевиками... Общей платформой, позволившей большевикам работать вместе с анархистами-коммунистами, явилась борьба против Временного правительства и его политики, направленной на укрепление основ буржуазно-капиталистического строя, на сохранение привилегий помещиков и доведение империалистической войны «до победного конца». И большевики, и анархисты боролись за подготовку Октября, т. е. за социалистическую революцию»¹⁹.

Рядовые большевики и анархисты, особенно действовавшие в Петроградском гарнизоне и в Кронштадте, практически ничем не отличались друг от друга²⁰. И все же следует помнить, что между ними существовали не только идеологические различия, но и разногласия практического свойства. Анархисты-коммунисты ставили во главу угла немедленное уничтожение правительства и общества и поэтому придавали мало значения организации и планированию. Большевики же, наоборот, были непосредственно заинтересованы в захвате власти с целью установления диктатуры пролетариата. В отличие от анархистов большевистское руководство (быть может, за некоторым исключением) вполне реалистично думало о будущем, о самосохранении партии и ее роли не только в захвате, но и в удержании власти. На деле это означало, что лидеры большевиков часто были не способны, да и не желали следовать почти полностью безрассудному курсу анархистов-коммунистов.

Современные советские историки, по существу, игнорируют роль анархистов в 1917 г. Возможно, они правы в том, что анархисты были преходящим явлением и не имели будущего (во многом благодаря большевикам после того, как они пришли к власти). Однако было бы несправедливо утверждать, как это делают советские историки, что анархисты вообще не сыграли никакой роли в период существования Временного правительства. Анархисты-коммунисты и большевики соперничали в получении поддержки среди одних и тех же необразованных, угнетенных и недовольных слоев населения. Безусловно, в той крайне нестабильной ситуации в Петрограде летом 1917 г. анархисты-коммунисты, пользующиеся поддержкой на нескольких стратегически важных предприятиях и в полках, были способны влиять на ход событий. На некоторых заводах и в нескольких воинских частях анархисты были настолько популярны, что определяли действия самих большевиков. Так, например, советский ис-

торик П. М. Стулов, описывая несанкционированные действия членов Военной организации в 1-м пулеметном полку накануне июльских событий, вполне справедливо заявляет, что «левизна в агитации будет еще более понятна, если мы примем во внимание, что значительным влиянием пользовались в полку анархисты... И. Блейхман, Асин (так в тексте.— А. Р.), многие другие анархисты-рабочие явились такими же завсегдатаями полка, как и большевики. Они создавали, таким образом, постоянную политическую конкуренцию большевикам своими безответственными речами против государственной власти вообще, проповедью немедленной экспроприации капитала, банков и т. д.— масса солдат в своей классовой ненависти хваталась за эти лозунги и слушать что-либо более умеренное просто не желала. Руководители же [большевистские], не желая отставать от массы, делали не совсем правильные тактические шаги» ²¹.

Первая кризисная ситуация вокруг дачи Дурново ²²

Штаб-квартирой Петроградской федерации анархистов-коммунистов служила дача Дурново, расположенная в Выборгском районе. Бывшая летняя резиденция генерала П. Н. Дурново, одного из сановников при Николае II, была захвачена революционными войсками после падения монархии. Вскоре после Февральской революции анархисты стали проводить на даче свои ежедневные заседания и лекции, наладили также постоянный выпуск зажигательных листовок и газет ²³. Летом, помимо анархистов, на даче разместились районный профсоюз булочников, одна из групп эсеров-максималистов и находившаяся под влиянием большевиков и анархистов организация, называвшая себя Советом петроградской рабочей милиции. Территория вокруг дачи использовалась окрестными жителями как парк и игровая площадка.

Впервые анархисты-коммунисты всерьез заявили о себе в начале июня, когда они неожиданно попытались при помощи силы обзавестись первоклассным печатным станком. 5 июня 80 анархистов-коммунистов (вполне вероятно, во главе с Асиным), вооруженные винтовками, бомбами и пулеметом, захватили печатный станок правой газеты «Русская воля». На следующий день две роты заставили их расстаться со своей добычей, однако на

этом история не закончилась. 7 июня министр юстиции П. Н. Переверзев решил раз и навсегда устранить угрозу общественному порядку, исходившую из анархистского гнезда на даче Дурново. Он издал приказ анархистам-коммунистам освободить дачу в 24 часа. Однако те отказались его выполнять и обратились за помощью к солдатам и рабочим Выборгского района. На следующий день забастовали тысячи рабочих, встали 28 заводов²⁴, а по заводским районам прошло несколько небольших вооруженных демонстраций. Параллельно анархисты-коммунисты, усиленные пятьюдесятью прибывшими из Кронштадта вооруженными матросами²⁵, приготовились к защите своего штаба.

Казавшееся неизбежным столкновение было предотвращено вмешательством Бюро Исполкома Петроградского Совета. По его решению от 8 июня Л. Д. Соколову было дано задание просить министра юстиции на время отменить ультиматум²⁶. Кроме того, заслушав протесты нескольких делегаций выборгских рабочих, Бюро поручило Л. Д. Соколову и И. П. Гольденбергу составить проект воззвания к рабочим вернуться к станкам. Это воззвание также подтверждало неприятие Советом самовольного захвата общественной и частной собственности и непозволительность проведения вооруженных демонстраций без его (Совета) ведома. Соответствующая резолюция была напечатана в «Известиях» 9 июня.

Всероссийский съезд Советов разбирал кризис в Выборгском районе на вечернем заседании 8 июня. Были заслушаны отчет о сложившейся ситуации Исполкома Петроградского Совета и дополнительный доклад А. Р. Гоца и В. А. Анисимова, которые только что вернулись после переговоров с руководством анархистов-коммунистов. Гоц, один из видных эсеров, доложил, что, кроме сохранения за собой штаб-квартиры, анархисты-коммунисты требуют освобождения всех арестованных после Февральской революции социалистов и анархистов независимо от совершенных ими преступлений, а также конфискации и передачи анархистам и социалистам трех самых мощных печатных станков, принадлежавших газетам «Новое время», «Русская воля» и «Речь»²⁷. В конце своего выступления меньшевик Е. П. Гегечкори предложил принять резолюцию, созвучную с принятой уже резолюцией Бюро Исполкома Петроградского Совета, призывавшую рабочих вернуться на свои места и подтверждавшую неприемлемость вооруженных демонстраций

без специальной санкции Петроградского Совета. Она была принята значительным большинством, несмотря на возражения Каменева (от большевиков) и Луначарского, представителя Межрайонного комитета — социал-демократической организации, возглавляемой Троцким, которая слилась с партией большевиков на VI съезде РСДРП(б). Было также принято предложение Луначарского отложить выселение анархистов до проведения расследования съездом правомочности такого шага.

В мемуарах лидера меньшевиков И. Г. Церетели беспорядкам в рабочих кварталах и особенно неспособности съезда и правительства предпринять эффективные шаги против неожиданной активности анархистов-коммунистов уделяется много внимания. «Нерешительность, проявленная съездом и правительством в деле анархистов,— пишет он,— ободрила большевистский Центральный Комитет, а волнения на Выборгской стороне увеличили напряжение в столице»²⁸.

Петроградские большевики готовятся к демонстрации

Для большевистской партийной организации, которая, как мы уже увидели, всерьез изучала возможность проведения массового марша протеста против политики Временного правительства, неожиданная вспышка спровоцированных анархистами беспорядков была только на руку. Действительно, ситуация внезапно стала настолько благоприятной, что совместное заседание ЦК, ПК и Военной организации с представителями полков, профсоюзов и заводов, ранее намеченное на 9 июня, было поспешно перенесено на вечер 8-го. На нем единодушно приняли решение о необходимости использовать преобладающие среди масс настроения для организации понастоящему внушительной демонстрации с участием рабочих и солдат²⁹. Официального протокола этой важной встречи опубликовано не было, однако ее содержание (причем достоверность подтверждается рядом других источников) хорошо передается в увидевшем свет варианте интересных дневников лидера большевиков Выборгского района М. И. Лациса³⁰.

Заседание 8 июня началось отчетами представителей заводов и гарнизона о настроении масс применительно к возможности проведения многочисленной демонстра-

ции ³¹. Представители Военной организации заверили присутствовавших в полной поддержке со стороны нескольких частей гарнизона, хотя даже в тот момент существовали разногласия по поводу перспективы привлечения большого числа рабочих ³². По свидетельству Лациса, на голосование было поставлено три вопроса: 1 — настроены ли массы, чтобы выйти на улицы; 2 — выйдут ли массы на улицы, увидев оппозицию со стороны Совета; 3 — следует ли проводить демонстрацию вообще? Лацис сообщает, что первое и второе предложения были приняты соответственно 58 — за, 37 — против, 52 — воздержались и 47 — 42 — 80. По третьему вопросу «за» было подавляющее большинство — 131 — 6 — 22. Таким образом, получилось, что значительное число большевиков поддерживало проведение демонстрации, несмотря на сомнительную готовность масс «выйти на улицы» и неопределенность по поводу стремления рабочих выйти на демонстрацию против воли Совета.

Вскоре после этого расширенного заседания (в его работе участвовали три представителя Исполнительной комиссии Петербургского комитета) ЦК РСДРП(б) принял официальное решение приступить к организации массовой демонстрации рабочих и солдат, которая была намечена на 14. 00 в субботу 10 июня ³³. На подготовку и координацию действий оставалось очень мало времени — всего полтора дня. Эти задачи возлагались совместно на Исполнительную комиссию и Военную организацию ³⁴. Предложения по лозунгам были сделаны на заседаниях 6 и 8 июня. Кроме того, было необходимо разработать меры безопасности, выбрать пункты сбора и маршруты, составить соответствующие воззвания и передать их партийным функционерам в районах и воинских частях, изготовить и раздать плакаты и знамена. Эта работа началась поздним вечером 8 июня и была продолжена на следующий день. По общему согласию все мероприятия осуществлялись по возможности скрытно, поэтому о запланированной демонстрации не появилось ни единого намека в вышедших 9 июня газетах «Правда», «Солдатская правда» и «Голос правды».

В соответствии с планом, разработанным Исполнительной комиссией и Военной организацией, первые объявления о демонстрации должны были появиться в большевистской печати только утром в день ее проведения. В «Правде» должно было быть напечатано общее воззвание о необходимости принять участие в марше протеста от имени Центрального Комитета, Военной организации и Петербургского комитета. Более детальные инструкции

для промышленных предприятий и полков предполагалось напечатать в «Солдатской правде». Именно поэтому ее номер от 10 июня представляет особый интерес как с точки зрения характера призывов большевиков, так и в части конкретных планов и подготовки к демонстрации.

Этот номер «Солдатской правды» почти целиком заполнен разъяснениями и инструкциями относительно запланированного марша. В объявлении на первой странице аршинными буквами сообщалось: «В 2 часа дня назначена мирная демонстрация протеста против явно усиливающихся контрреволюционных попыток Миллюкова, Родзянко и Керенского. В демонстрации примет участие сознательная и организованная часть войск и рабочих». Далее следовал призыв поддержать демонстрацию всеми силами: «Товарищи! Кто за братство народов, кто за ясную и честную демократическую политику для окончания войны, кто против капиталистов, устраивающих стачки и заставляющих голодать население,— все, кто против урезывания прав солдат и матросов, кто против буржуазной травли,— все идите выразить свой протест».

Это обращение на первой странице, а также передовая статья, написанная от имени Военной организации, свидетельствуют о характере большевистских призывов. Они вобрали в себя все причины массового недовольства в столице, сведя их в одну броскую фразу и взвалив вину за все трудности на «алчных капиталистов и землевладельцев», которые якобы полностью контролировали коалиционное Временное правительство. В передовице содержался также намек на то, что активизировавшаяся переброска войск гарнизона (вызванная, по крайней мере отчасти, необходимостью усилить запланированное наступление) представляет собой не что иное, как попытку ослабить или даже свести на нет революционный порыв солдат ³⁵, а «капиталисты и землевладельцы» уже замышляют отобрать у рабочих «все завоевания социализма». Передовая статья одновременно требовала и приглашала: «Страна устала ждать, рабочие и солдаты требуют ответа на коренные вопросы своей бедственной жизни.

И так как ответов не будет дотоле, доколе нами управляют капиталисты и землевладельцы, мы требуем, чтобы вся власть была в наших Советах рабочих и солдатских депутатов, чтобы скорей была окончена война, чтобы были отменены каторжные приказы, декларации бесправия и чтобы капиталисты ушли со своих министерских кресел.

Мы протестуем против переформирования полков и приглашаем всех товарищей присоединиться к нашему протесту, призываем к мирной демонстрации в субботу в два часа дня всех солдат и рабочих».

Передовая заканчивалась лозунгом «Война до победоносного конца против капиталистов!».

В этом же номере «Солдатской правды» содержались подробные инструкции по поводу маршрутов и порядка прохождения для всех участников демонстрации. Директивы эти представляют интерес для историка, так как они показывают, насколько тщательно была спланирована вся акция и какое значение придавалось соображениям безопасности. Все группы гражданских лиц должны были находиться под защитой вооруженных частей гарнизона. Так, например, порядок прохождения с Марсового поля, одного из трех пунктов сбора, был следующим: (1) броневой автомобильный дивизион, (2) 1-й пулеметный полк, (3) Павловский полк, (4) Исполнительная комиссия, Петербургский комитет и Выборгский район, (5) Московский полк, (6) Петроградский район, (7) Гренадерский полк, (8) Пороховский район, (9) Литейный район, (10) 1-й пехотный запасный полк.

Весь день 9 июня петроградские большевики проводили агитационные и организационные собрания. Несмотря на то что некоторые воинские части и предприятия отвергли предложенные большевиками резолюции о демонстрации³⁶, по-видимому, в целом призыв большевиков нашел отклик в сердцах людей, поскольку многие тысячи рабочих и солдат были готовы принять в ней участие. Главным лозунгом демонстрации была передача власти эсеро-меньшевистским Советам, а не партии большевиков, поэтому в движение оказались вовлеченными даже представители умеренных социалистических партий.

Среди наиболее важных организационных мероприятий 9 июня можно отметить проведенную в конце дня встречу Выборгского районного комитета с представителями 28 выборгских заводов и четырех размещенных в этом районе воинских частей, а также заседание Военной организации по месту расквартирования Измайловского полка, которое состоялось примерно в то же время. На обеих встречах была выражена единодушная поддержка демонстрации. Интересно отметить, что, судя по отчетам об этих мероприятиях, Выборгский районный комитет и некоторые группировки Военной организации надеялись, что демонстрация перерастет в решительное

сражение, и вели приготовления с учетом такой возможности. На собрании в Выборгском районе представители 1-го пулеметного, Московского и 1-го пехотного запасного полков дружно заявили, что не выйдут на демонстрацию без оружия, невзирая на пожелания партийного руководства. Даже заводские представители объявили о намерении рабочих захватить с собой имеющееся у них оружие (которого, вероятно, было достаточно, чтобы вооружить небольшую армию!), то есть целиком и полностью встали на позицию М. И. Лациса³⁷. Такие же настроения преобладали и в Кронштадте. И. П. Флеровский вспоминал, что в ночь с 9 на 10 июня на военноморской базе практически никто не спал; матросы «чистили оружие, спокойно беседовали друг с другом и ждали утра»³⁸.

Хотя большевики и предвидели, что лидеры Совета будут выступать против демонстрации, можно было ожидать поддержки со стороны Межрайонного комитета и анархистов-коммунистов. Поэтому вызывает некоторое удивление тот факт, что Межрайонный комитет был проинформирован о планах большевиков, когда приготовления уже были в разгаре. Большевики заручились содействием со стороны организации Троцкого только на собрании, состоявшемся днем 9 июня. Тогда же делегация Межрайонной организации на съезде Советов по настоянию Троцкого и несмотря на возражения Луначарского проголосовала за участие в демонстрации³⁹.

Анархисты-коммунисты, безусловно, были готовы принять участие в любых действиях, направленных против Временного правительства. По некоторым данным, днем и вечером 9 июня на даче Дурново было проведено заседание с участием 123 представителей рабочих и солдат⁴⁰. На нем анархистами-коммунистами был образован орган, названный «Временный революционный комитет». Этот комитет, несомненно, имел отношение к планам следующего дня, хотя его истинную роль в организации и проведении демонстрации определить трудно. Имеются свидетельства, что на сходках на даче Дурново присутствовали некоторые большевики, однако связь между этими собраниями и действиями Петербургского комитета и Военной организации далеко не ясна⁴¹. Некоторые указания относительно демонстрации, увидевшие свет 9 июня, были разработаны в штаб-квартире коммунистов-анархистов. Так, призыв к кронштадтцам присоединиться к демонстрации был подписан М. Н.

Гавриловым, который якобы являлся руководителем Временного революционного комитета анархистов-коммунистов. В обращении Гаврилова говорилось: «Конференция от представителей революционных рабочих и солдат. Шлем горячий братский привет... тов[арищам] кронштадтцам, и извещаем их, что завтра, 10 июня, в 2 часа дня революционный Петроград выйдет на улицу, чтоб вместе с тов[арищами] кронштадтцами предъявить свои требования Временному правительству и буржуазии» ⁴². Со своей стороны официальная организация большевиков направила параллельные уведомления непосредственно в партийные комитеты, почти все — за подписью секретаря Петербургского комитета Г. И. Бокия ⁴³.

Днем 9 июня большевистские листовки, призывавшие к массовой демонстрации (текст их был составлен Сталиным), стали появляться в казармах и рабочих кварталах города ⁴⁴. Завершались они призывом: «Товарищи! Молча терпеть дольше такие порядки нельзя! Молчать после всего этого преступно!.. Рабочие! Присоединяйтесь к солдатам и поддержите их справедливые требования... Все на улицы, товарищи!»

Среди лозунгов, предлагаемых демонстрантам, были следующие: «Долой царскую Думу!» ⁴⁵, «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Пересмотреть декларацию прав солдата!», «Отменить приказы против солдат и матросов!», «Долой войну!» ⁴⁶

Съезд Советов выступает против демонстрации 10 июня ⁴⁷

Тревожные слухи о быстро нарастающем уличном движении начали поступать в штаб-квартиру Исполкома Петроградского Совета примерно в три часа дня 9 июня. В течение часа эта информация нашла свое подтверждение и зловещие новости были доложены Временному правительству и Президиуму Всероссийского съезда Советов. Временное правительство незамедлительно обратилось к населению с призывом к порядку и предупредило, что «любое насилие встретит противодействие всех сил, находящихся в распоряжении правительства» ⁴⁸. К вечеру по всему городу были расставлены военные патрули.

У членов Исполкома и Президиума съезда неожидан-

ная перспектива проведения массового вооруженного марша протеста под предводительством большевиков и анархистов против Временного правительства вызывала не меньшее беспокойство, чем у самого правительства. Буквально накануне Всероссийский съезд Советов подавляющим большинством проголосовал в поддержку правительства Львова. Теперь же большевики и анархисты открыто призывали рабочих и солдат столицы аннулировать это решение ⁴⁹. Съезд однозначно запретил проведение вооруженных демонстраций в любом виде без санкции Петроградского Совета. А в ответ большевики в союзе с анархистами открыто и дерзко бросали вызов полномочиям Совета издавать такие распоряжения.

Хотя многие лидеры Совета, по воспоминаниям Церетели, считали, что, даже если при существующем соотношении сил попытка большевистского переворота не имеет шансов на успех, нельзя не принимать во внимание еще одно не менее важное соображение: «Мы знали, что, если бы на улицах Петрограда появились многочисленные толпы вооруженных солдат и рабочих с требованием перехода власти к Советам, это неминуемо должно было вызвать кровавые столкновения. Прямым последствием этого выступления были бы трупы на улицах Петрограда, дискредитация демократии, не сумевшей предохранить революционную столицу от таких потрясений, и усиление контрреволюционных течений в стране. Надо было во что бы то ни стало предотвратить готовившееся выступление» ⁵⁰. Отчасти о том же самом говорили на заседании Петербургского комитета 6 июня Томский и Винокуров.

В силу этих обстоятельств Исполком, не мешкая, принял решение сделать все возможное, чтобы демонстрация не состоялась. Была создана комиссия из семи человек, которая совместно с Президиумом съезда должна была разработать методы нейтрализации возникшего движения ⁵¹. Примерно в это же время Чхеидзе, Гоц, Дан и Церетели от Президиума съезда занялись подготовкой обращения к народу в целях восстановления порядка и предложения о введении чрезвычайного положения для рассмотрения на вечернем заседании съезда ⁵².

Тем временем в особняке Кшесинской полным ходом велись приготовления к предстоящему выступлению. Сообщения из районов вселяли оптимизм. Подготовка к демонстрации шла успешно не только в Петрограде, но и в близлежащих окрестностях. Правда, были и не столь приятные известия. Постепенно становилось ясно, что

большевики могут оказаться не в состоянии помешать рабочим и солдатам выйти на улицы вооруженными до зубов и предотвратить открытую конфронтацию. Кроме того, стала известна бескомпромиссная позиция Советов и резко отрицательная реакция даже со стороны большевистской делегации на съезде, которая не была посвящена в планы своего собственного Центрального Комитета⁵³. И наконец, появились явно необоснованные слухи, что якобы по приказу Керенского для подавления демонстрации в столицу идут войска⁵⁴.

В 8.30 вечера Зиновьев, Ногин и Каменев, которые с самого начала выступали против демонстрации, вернулись с заседания съезда в штаб большевиков и потребовали немедленного проведения совместной встречи ЦК, Исполнительной комиссии ПК и Военной организации, чтобы пересмотреть вопрос о демонстрации в связи с негативной реакцией со стороны Совета. Тем временем остальные лидеры делегации большевиков на съезде и представлявший Межрайонный комитет Луначарский делали все, чтобы не позволить съезду предпринять какие-либо действия против демонстрации, надеясь, что ЦК сам отменит ее. Вскоре после этого в штаб-квартире Петербургского комитета встретились шесть членов Центрального Комитета (Ленин, Ногин, Каменев, Смилга, Зиновьев, а также Свердлов или Сталин), шесть членов Петербургского комитета (в том числе Лацис, Томский, Слуцкий, Бокий и Володарский) и два члена Военной организации (скорее всего, Невский и Подвойский). После обсуждения сложившейся ситуации вопрос об отмене демонстрации был поставлен на голосование. В результате четырнадцать из шестнадцати собравшихся, включая Зиновьева, высказались за проведение демонстрации⁵⁵.

По всей видимости, даже на этом заседании необычайно важный вопрос об оружии достаточно серьезно не был рассмотрен. По словам Лациса, его, как и прежде, «замяли», хотя Смилга и требовал, чтобы «партия не отвергала возможности захвата почтамта, телеграфа и арсенала в случае вооруженных столкновений». Судя по дневникам Лациса, он не считал эту идею неприемлемой. Он пишет, что «не мог примириться с мнением большинства», очевидно, в отношении окончательных целей демонстрации и вместе с Семашко, фактическим командиром мощного 1-го пулеметного полка, и Рахьей, одним из наиболее радикальных членов Петербургского комитета,

пришел к выводу, что демонстрация обязательно должна быть вооруженной с участием 1-го пулеметного полка, причем, в случае необходимости, надо быть готовым к захвату железнодорожных вокзалов, арсеналов, банков, почтамта и телеграфа ⁵⁶. Следует отметить, что свидетельства о санкционировании этих планов Центральным Комитетом, Исполнительной комиссией или даже Военной организацией отсутствуют. В «Истории русской революции», полемизируя с Сухановым ⁵⁷, Троцкий утверждает, что лишь «отдельные большевики, которые, используя ленинскую терминологию, ушли «чутью левее», рассматривали запланированную демонстрацию как средство захвата власти» ⁵⁸. Из-за отсутствия надежных данных противоположного содержания историк вынужден принять имеющуюся интерпретацию. Обсуждение вопроса о демонстрации полным составом съезда Советов началось на вечернем заседании 9 июня. К этому времени Президиум уже утвердил обращение к населению, а делегаты съезда были направлены в рабочие кварталы и казармы, чтобы прояснить ситуацию и попытаться поставить заслон большевистской пропаганде. На заседании съезда Гегечкори, зачитав полный текст составленной Сталиным листовки, призывавшей рабочих и солдат выйти на улицы, предложил принять обращение к массам, которое, в частности, гласило:

«Товарищи солдаты и рабочие!

Партия большевиков зовет вас на улицу.

Без ведома Совета рабочих и солдатских депутатов, без ведома Всероссийского съезда, без ведома Совета крестьянских депутатов и всех социалистических партий делается этот призыв. Он раздался как раз в тот тревожный момент, когда Всероссийский съезд призвал товарищей — рабочих Выборгского района помнить, что демонстрации в эти дни могут повредить делу революции...

Не делайте того, к чему вас зовут!

В этот тревожный момент вас зовут на улицу для предъявления требования низвержения Временного правительства, поддержку которого Всероссийский съезд только что признал необходимой.

И те, кто вас зовут, не могут не знать, что из вашей мирной демонстрации могут возникнуть кровавые беспорядки...

Товарищи!

От имени всех Советов рабочих и солдатских депутатов, от имени Совета крестьянских депутатов,

действующих армий и социалистических партий мы говорим вам:

Ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице!

Ни одной демонстрации сегодня!..»

Большевики и межрайонцы отказались голосовать по данному обращению, остальными оно было принято единогласно. После непродолжительных прений съезд принял также предложенную Чхеидзе резолюцию о запрещении всех демонстраций сроком на три дня и создании совместного комитета Петроградского Совета и Всероссийского съезда (бюро по противодействию демонстрации) для пресечения любых попыток большевиков и анархистов продолжать свои приготовления. Приняв эти меры, съезд прервал свою работу, и делегаты перешли из здания Кадетского корпуса в Таврический дворец, который был оборудован более совершенными средствами связи ⁵⁹.

Центральный Комитет отменяет демонстрацию

Вскоре после этого ЦК РСДРП(б) дал обратный ход и решил отменить демонстрацию. Историческая литература 20-х годов и периода после смерти Сталина позволяет достаточно достоверно реконструировать ту любопытную и поистине критическую с исторической точки зрения ситуацию, в которой было принято решение об изменении тактики большевиков (и Церетели, и Ленин считали его шагом назад) ⁶⁰.

Как уже отмечалось, против демонстрации выступила на съезде группа большевиков, которая не была посвящена в планы своей собственной партии либо по соображениям конспирации, либо в силу почти невероятной оплошности. Как только известия о демонстрации стали общим достоянием, эта группа собралась на экстренное совещание, которое вылилось в бурную дискуссию относительно дальнейших действий. Ногин и, вероятно, Каменев выдвинули резолюцию, предлагавшую оказать давление на Центральный Комитет в пользу отмены демонстрации ⁶¹. Большинство делегатов было возмущено тем, что ЦК не поставил их в известность ⁶². Они также понимали, что в сложившейся обстановке демонстрация могла привести не более чем к выводу партии из состава Совета и, следовательно, к ее полной полити-

ческой изоляции, а такую перспективу никак нельзя было считать привлекательной. В результате предложение было беспрепятственно принято, а Ногин и Каменев, как уже говорилось выше, вооруженные мандатом, предприняли безуспешную попытку заставить руководство партии пересмотреть свою позицию.

Около двух часов ночи 10 июня, вскоре после объявления перерыва в работе съезда, Ленин, Зиновьев и Свердлов встретились с большевистской фракцией в Совете и еще раз выслушали доводы Ногина и Каменева против проведения демонстрации. Вопрос об отмене демонстрации снова был поставлен на голосование, однако на этот раз в нем участвовали только пять членов Центрального Комитета, тогда как представители Петербургского комитета и Военной организации отсутствовали. В результате за отмену демонстрации были поданы три голоса (Зиновьев на этот раз встал на сторону Каменева и Ногина), а Ленин и Свердлов воздержались⁶³. Поступок Ленина, хотя с процедурной точки зрения он только воздержался, следует интерпретировать как сознательное отступление, что он лично и признал на состоявшемся на следующий день заседании Петербургского комитета⁶⁴. Безусловно, стоило ему только пожелать, и это заключительное и некорректно проведенное голосование во время ночной встречи с делегацией в Совете не состоялось бы вообще. Подойдя к последней черте, Ленин заколебался и отступил⁶⁵.

Известие об отмене демонстрации быстро дошло до членов Петербургского комитета, Военной организации и прочих низовых гражданских и гарнизонных организаций большевиков. Оно было направлено также собравшимся на даче Дурново анархистам-коммунистам⁶⁶. Петроградские большевики, многие из которых подвергли Центральный Комитет резкой критике за изменение решения спустя всего 11 часов после его принятия, теперь принялись тушить пожар, который ранее помогали раздувать. Ранним утром 10 июня большевики присоединились к делегатам Совета и съезда, рассеявшимся по заводам и воинским частям, для разъяснения позиции съезда по вопросу о демонстрации и предотвращения возможных вспышек любого рода в назначенный час.

Примерно в три часа утра в редакции «Правды» и «Солдатской правды» по телефону поступил приказ остановить подготовку и распространение «призывных» материалов. В «Правде» намечавшийся для опубликования призыв

к выходу на демонстрацию был немедленно заменен на объявление об отмене демонстрации, и на улицы не попал ни один из первоначальных вариантов газеты. Не совсем ясно, что произошло в редакции «Солдатской правды», которая уже выпустила в свет несколько тысяч экземпляров до замены первого выпуска газеты одностраничным листком, объявившим об отмене манифестаций. Не вызывает сомнения тот факт, что между телефонным распоряжением об отмене демонстрации и исполнением его редакцией газеты прошло не менее двух часов; и это позволяет предположить, что редакция сначала или не поверила в его достоверность, или отказалась его исполнять⁶⁷. Наутро, когда второй одностраничный номер «Солдатской правды» был наконец роздан в войсках гарнизона, читатели увидели, что Военная организация намеренно освобождается от ответственности за принятое решение:

«Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда.

Ввиду того что съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, к которому присоединился Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, запретил всякие, даже мирные, демонстрации на три дня, *Центральный Комитет РСДРП(б)* постановляет: отменить назначенную им на 2 ч. дня в субботу демонстрацию. Центральный Комитет призывает всех членов партии и всех сочувствующих ей провести это постановление в жизнь» (курсив мой.— А. Р.).

Существуют разные оценки реакции петроградских масс на отмену демонстрации⁶⁸. Тем не менее очевидно, что, несмотря на согласие большинства заводов и полков отказаться от намеченных планов, очень многие не понимали или не разделяли позиции съезда. «Целую ночь напролет большинство съезда,— сообщает корреспондентом-меньшевиком в газете «Известия» Московского Совета,— свыше 500 членов его не смыкали глаз, разбившись на десятки, расходились по фабрикам и заводам и воинским частям Петрограда, призывая к воздержанию от демонстрации... Съезд в значительной части фабрик и заводов, а также некоторой части гарнизона авторитетом не пользуется... Членов съезда встречали очень часто далеко не дружелюбно, порой враждебно и нередко провожали злобно»⁶⁹. На некоторых заводах и в полках были приняты резолюции, в которых подчеркивалось, что рабочие и солдаты готовы выполнять волю партии

большевиков, а не съезда или Временного правительства ⁷⁰, а на некоторых митингах объектом презрения стало уже и большевистское руководство. Как отмечается в дневнике М. И. Лациса и как он доложил Петербургскому комитету, в некоторых случаях рядовые большевики с негодованием рвали свои партийные билеты ⁷¹.

По-видимому, реакция на отмену демонстрации была наиболее враждебной в тех радикально настроенных полках, которые были зачинателями уличного движения, а также в Кронштадте, где разочарование Временным правительством и Советом было особенно глубоким. Так, сообщалось, что контролировавший 1-й пулеметный полк Семашко выступил с публичными нападками на членов одной из делегаций Совета, назвав их «лжецами, которые пришли мучить солдат», а солдаты тем временем утверждали, что они в любом случае «через несколько дней выйдут на улицы, чтобы сокрушить буржуазию» ⁷². Известный кронштадтский большевик И. П. Флеровский также вспоминает, что известие об отмене демонстрации было встречено в Кронштадте с недоверием и яростью, а часы, пережитые им сразу после его получения, были «наиболее трагичными во всей жизни» ⁷³. На VI съезде РСДРП(б) он же заявил, что только «нечеловеческими усилиями» ему удалось удержать матросов от выезда в Петроград и от реализации призывов анархистов-коммунистов (а также некоторых недисциплинированных большевиков) ⁷⁴. Вероятно, Флеровскому удалось успокоить нетерпеливых матросов только предложением отправить в Петроград делегацию в составе 200 человек «для выяснения обстановки».

Недовольство, преобладавшее среди кронштадтцев в то время, нашло отражение в материалах газет, вышедших 11 июня.

«В настоящий момент,— писали «Известия Кронштадтского Совета»,— Кронштадтский Совет посылает делегацию для осведомления положения дел в Петрограде... Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает все воинские части и всех кронштадтских рабочих не делать неорганизованных вооруженных выступлений без ведома Совета. Без подписей Президиума и печати Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и справки в Исполнительном комитете требование о выступлении не исполнять».

Одновременно Исполком Кронштадтского Совета отдал приказ об инвентаризации всего имеющегося

в крепости огнестрельного оружия и его передаче недостаточно вооруженным частям, причем остаток должен был поступить в распоряжение партийной организации на случай непредвиденных обстоятельств. В «Голосе правды» от 11 июня объявлялось о проведении в тот же день обязательного для всех большевиков собрания (для заслушивания представителя ЦК Смилги с разъяснениями по поводу отмены демонстрации). В газете также говорилось:

«Кронштадтский комитет РСДРП(б) призывает товарищей к сохранению полного спокойствия и выдержке. Только тогда возможна победа, когда мы будем выступать организовано, вместе со всей революционной демократией. Всякие выступления в одиночку на руку контрреволюции.

Не поддавайтесь на провокацию буржуазии, в интересах которой вызвать преждевременное выступление и залить его потоками крови. Не слушайте отдельных лиц. Слушайте только призывы революционных организаций. Победа только за теми, кто сохраняет выдержку и революционную дисциплину»⁷⁵.

Съезд Советов и проблема большевиков

После того как угроза демонстрации против коалиционного правительства исчезла, перед съездом Советов остро встал вопрос о дальнейшей политике в отношении большевиков. События 10 июня показали, что цели большевиков и большинства съезда разделяет огромная пропасть и что существующая на тот момент нестабильная обстановка чревата опасностью слева. Тем не менее по такому сверхважному вопросу, как устранение большевистско-анархистской угрозы, среди социалистических лидеров не было единого мнения. Как вспоминает И. Г. Церетели, это был первый случай, когда дискуссии внутри эсеро-меньшевистского руководства Совета переросли в серьезные политические разногласия⁷⁶. Попросту говоря, верхушка съезда разделилась на тех, кто рассматривал события 10 июня как поворотный момент революции и выступал за принятие решительных действий против большевиков, пока не слишком поздно, и на тех, кто склонялся к принижению большевистской угрозы или по крайней мере не желал предпринимать поспешных акций против Ленина и его последователей.

Эти две точки зрения впервые проявились 11 июня на заседании специальной комиссии меньшевиков и эсеров, которая должна была разработать методы устранения

угроз, подобных только что пережитой ⁷⁷. Среди членов комиссии разгорелся ожесточенный спор по поводу утверждения Церетели, что сорванная демонстрация 10 июня была поворотной точкой большевистской стратегии, что борьба перешла из области пропаганды в открытую вооруженную борьбу за власть и, следовательно, единственно правильной мерой будет разоружение полков и воинских частей Красной гвардии, находящихся под влиянием большевиков. «Мы уже не можем удовлетвориться одной идейной борьбой с большевизмом и словесным запрещением вооруженных выступлений,— заявлял Церетели,— но должны вместе с тем принять практическую меру, лишаящую их возможности вооруженных нападений на демократический строй». Церетели поддержали А. Р. Гоц, М. И. Либер и К. М. Ермолаев; резко против выступили Ф. И. Дан, Б. О. Богданов и Л. М. Хинчук, которые считали, что такие решительные меры противоречат настроениям «революционной демократии» и будут большевикам только на руку. Они настаивали на том, чтобы публично осудить планы большевиков о проведении демонстрации, а на будущее запретить стихийные вооруженные демонстрации вообще. Такие ограниченные меры были поддержаны большинством членов комиссии, но Церетели не сдавался.

Разногласия вспыхнули с новой силой на специальном закрытом заседании представителей всех фракций съезда, состоявшемся около 17 часов 11 июня с той же целью — выработать линию в отношении большевиков. Сразу после его открытия была оглашена резолюция Дана, предлагавшая утвердить уже одобренное решение комиссии, то есть осудить большевиков и запретить вооруженные демонстрации в будущем. В ней подчеркивалось, что партии, не желающие подчиниться этому решению, поставят себя вне демократии и им не будет позволено оставаться в Совете ⁷⁸. Вскоре после выступления Дана для разъяснения позиции большевиков был вызван Каменев (ввиду отсутствия Ленина). На вопрос о подоплеке демонстрации он ответил, что в начале предыдущей недели признаки массового недовольства были настолько очевидны, что руководство большевиков приняло решение о проведении демонстрации. «О чем шум? — спрашивал Каменев.— Была намечена мирная демонстрация, лозунгов о захвате власти не было. Единственным практическим лозунгом был «Вся власть Советам!», а демонстрация была отменена сразу, как только об этом

попросил Съезд» ⁷⁹. О том, что произошло потом, читаем в «Правде» за 13 июня:

«Церетели предоставляется слово вне очереди. С первых же слов чувствуется, что Церетели скажет нечто необычное. Он бледен, как полотно, сильно волнуется. В зале воцаряется напряженное молчание.

— Резолюция Дана негодна. Теперь не такие резолюции нужны,— говорит Церетели, пренебрежительно отмахиваясь рукой,— то, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется. Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться... Оружие критики сменяется критикой с помощью оружия. Пусть же извинят нас большевики,— теперь мы перейдем к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельзя оставить в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулеметов и оружия. Заговоров мы не допустим...

Волнение в зале все больше и больше увеличивается. С одним из присутствующих офицеров делается истерический припадок.

— Господин министр, если вы не бросаете слов на ветер, вы не имеете права ограничиваться речью, арестуйте меня и судите за заговор против революции,— заявляет Каменев. Большевики покидают собрание. Напряжение достигает высшей точки» ⁸⁰.

После ухода большевиков разгорелись жаркие дебаты по выступлению Церетели ⁸¹. Член левой группы меньшевиков-интернационалистов Н. Н. Суханов, член Межрайонного комитета А. В. Луначарский, эсер С. Саакьян, трудовик П. В. Бронзов, меньшевик Л. Г. Шапиро и лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. О. Мартов выступили против предложений Церетели. Суханов критиковал Церетели, исходя из того, что неопровержимые доказательства антиправительственного заговора отсутствуют. Луначарский защищал большевиков, утверждая, что планировалась не более чем мирная демонстрация. «Большевики,— говорил он,— всегда были против бланкистских заговоров». Как и другие, Луначарский соглашался, что попытка разоружить большевиков приведет

только к отчуждению масс, которые будут рассматривать этот шаг как контрреволюционный. Саакьян и Бронзов предполагали, что в ряды демонстрации затесались представители «черной сотни» и поэтому она выглядела более неприглядной, чем была на самом деле. Саакьян требовал, чтобы съезд проявил инициативу в достижении с большевиками мирного соглашения.

Мартов осудил план Церетели, сказав, что он разрушит самую основу российской свободной демократической системы. «Здесь много говорят об авантюризме большевиков,— заметил он.— Но не забывайте, что вы имеете дело не с кучкой большевиков, а с громадной массой рабочих, которые стоят за ними. Вместо того чтобы стремиться оторвать эту массу от влияния большевиков, вы хотите прибегнуть к мерам, которые вырвут пропасть между вами и наиболее активной частью пролетариата... Вместо применения силы не следует ли сказать рабочим, что их недовольство законно и что съезд ускорит проведение в жизнь назревших реформ контроля и организации промышленности?»

Представители правых социалистов — А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, С. Ф. Знаменский и М. И. Либер поддержали Церетели. На его стороне был и делегат от 5-й армии А. А. Виленкин. Он аргументировал это тем, что фронт остро нуждается в пулеметах, которыми большевики сейчас угрожают правительству. Ни солдаты, ни фронтовые демократические организации не могут мириться с такой ситуацией, утверждал он. Меншевик Либер горячо призвал разоружить большевиков, утверждая, что «нельзя отдавать судьбу революции преторианским войскам, набранным большевистской партией... Отсутствие решимости с нашей стороны в этом вопросе лишь укрепит престиж большевиков в глазах их последователей. Демократия должна показать этим массам, что она не допустит решения политических вопросов путем вывода пулеметов на улицу».

В защиту большевиков, с критикой в адрес умеренных социалистов за их участие в коалиционном правительстве выступил Троцкий. В завершение дискуссии после выступлений Церетели и Дана с необходимыми разъяснениями был объявлен перерыв, чтобы еще до голосования обсудить все спорные вопросы внутри делегаций. Эсеры и меньшевики собрались вместе и очень небольшим большинством проголосовали за резолюцию Дана. Утратив надежду получить поддержку съезда, Церетели и Либер

изъявили готовность принять умеренную резолюцию Дана, которая и была утверждена 12 июня на вечернем заседании съезда Советов.

Петербургский комитет против Центрального Комитета

События 10 июня не только привели к первому серьезному расколу в обладавшем большинством блоке социалистов в Совете, но и вызвали аналогичные процессы в партийной организации большевиков. В конце июля на VI съезде РСДРП(б) бывший член Межрайонного комитета Д. З. Мануильский вступил в полемику с Ю. К. Милоновым, делегатом от самарской организации, который заявил, что на местах все выглядело так, будто демонстрация 10 июня была организована Центральным Комитетом конспиративными методами, что он ориентируется исключительно на Петроград, тогда как такую акцию следовало бы проводить во всероссийском масштабе. Мануильский ответил, что организованная ЦК демонстрация не носила конспиративного характера. «Пусть простят мне мое выражение,— сказал он,— она имела скорее несколько истерический характер... Нельзя в 10 часов вечера принимать решение, а в 12 часов отменять его. Такие истерические решения только компрометируют наш Центральный Орган»⁸².

Этот спор подтверждает, что после событий 10 июня в партии в целом преобладало критическое отношение к своему Центральному Комитету *. Вспомним, что Каменев, Ногин и Зиновьев выступали против самой идеи вооруженного марша протеста, а фракция большевиков на съезде Советов оказала отчаянное сопротивление, неожиданно узнав о планах партии. С другой стороны, как и следовало ожидать, наиболее ярые сторонники проведения демонстрации из числа членов ЦК (особенно Сталин и Смилга), с которыми никто и не советовался по поводу ее отмены, были крайне недовольны, когда партия в последнюю минуту изменила свое решение⁸³. Флеровский вспоминает, что Смилга отзывался об отмене демонстрации как «о большой и необоснованной ошибке» и считал, что Ленин, согласившийся на это, «был недостаточно информирован о настроениях на заводах и в воинских

* Это утверждение является излишне категоричным и не подтверждается документами местных партийных организаций.— *Ред.*

частях». Более того, объясняя кронштадтским матросам необходимость отказа от демонстрации 10 июня, вместо разумного обоснования этого решения Смилга делал упор на необходимости бросить вызов силам контрреволюции. «Этот вопрос,— говорил он,— стоит перед каждым рабочим и солдатом, он требует не только слов, но и дел... Каждому кронштадтцу горько и печально, что демонстрация отменена, однако, сознавая свою силу и сам факт соблюдения требований революционной дисциплины, мы должны гордиться, что Кронштадт не вышел на демонстрацию в одиночку»⁸⁴. Выразив свое недовольство, Сталин и Смилга подали в отставку из ЦК партии, которая в конечном итоге не была принята⁸⁵.

Следует отметить, что наиболее серьезная критика исходила из рядов Петербургского комитета. Действительно, разногласия между Петербургским и Центральным комитетами по поводу отмены демонстрации были наиболее глубокими за весь период с февраля по октябрь 1917 г. Эти разногласия впервые проявились на чрезвычайном заседании Петербургского комитета 11 июня, созванном специально, чтобы заслушать разъяснения ЦК⁸⁶. Опубликованные детальные протоколы этого заседания содержат, по существу, первую реакцию большевиков на речь Церетели на съезде Советов, они отражают непримиримость, независимый дух Петербургского комитета, а также свидетельствуют об абсолютной несовместимости позиций ПК и ЦК в вопросе о демонстрации 10 июня. О значении заседания 11 июня говорит и личное участие в нем Ленина, который защищал действия ЦК. Его выступление было первым.

Ленин начал с признания, что неудовлетворенность многих членов Петербургского комитета отменой демонстрации вполне обоснованна. При этом он пояснил, что ЦК не мог поступить иначе из-за официального запрета демонстрации Советом. Кроме того, из достоверных источников стало известно о планах контрреволюции воспользоваться этой демонстрацией. «Даже в простой войне,— заявил Ленин,— случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе... Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях»^{*}.

Судя по ленинским выступлениям, для него, как и для Церетели, события 10 июня являли собой поворотный

^{*} Здесь и далее цит. по: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. М., 1927.— А. Р.

момент в борьбе за власть. «Сегодня Церетели произнес свою историческую и истерическую речь,— сказал Ленин.— Сегодня революция вступила в новую фазу своего развития... Церетели, показавший себя в своей речи явным контрреволюционером, заявил, что с большевиками надо бороться не словами, не резолюциями, а надо их лишитъ всех имеющихъся в их рукахъ техническихъ средствъ... Рабочие должны трезво учесть, что о мирной демонстрациии теперь речи быть не может. Положение гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимумъ давления на решения съезда — это наше право,— а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать правительство».

На будущее Ленин призвал к «максимуму спокойствия, осторожности, выдержки, организованности», помня о том, что мирные манифестации — это дело прошлого. «Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они, и рабочие поймут, что они делают покушение на самое существование пролетариата. Но жизнь за нас, и еще неизвестно, как удастся им нападение: на фронте стоят войска, дух недовольства у них очень силен, в тылу дороговизна, разруха и пр. ЦК не хочет оказывать давление на ваше решение. Ваше право — право протестовать противъ действий ЦК законно, и ваше решение должно быть свободным».

Вслед за Лениным выступил Зиновьев. Следует сказать, что он был объектом особой критики, так как изменение именно его мнения повлекло за собой формальную отмену демонстрации. Зиновьев попытался обосновать свои действия:

«Около 8 часовъ вечера в пятницу (9 июня) собрались сюда несколько членовъ ЦК, Петербургскаго комитета и Военной организации. Мы уже тогда знали, что съезд протестуетъ противъ нашей демонстрации. Я голосовал тогда за демонстрацию. Вернувшись во фракцию, мы застали там уже вполне определившуюся картину. Вся наша фракция была единогласно противъ демонстрации. Я сдался последним. Нам дали один час для решения. Мы бросились сюда, думая, что здесь перманентное дежурство членовъ Петербургскаго комитета, но ошиблись и должны были решить вопрос самостоятельно. Нас было пять человек. Из них трое высказались за отмену, двое воздержались от голосования. Если бы даже не случилось того, что было вчера,— утверждал Зиновьев,— то и тогда мы не проиграли тем, что отменили нашу

демонстрацию... Можно быть уверенным, что наша организация будет расти».

Вслед за Мартовым и Лениным Зиновьев оценил предложение Церетели распустить и разоружить полки как потенциальное благо. По его мнению, непринятие его означало бы «попасть из огня в полымя, рассеивать революционный огонь по всей России». Зиновьев продолжал: «Сегодня мы стоим перед совершенно новой обстановкой. Когда в четверг мы, в количестве 150 человек, обсудили вопрос о «мирной демонстрации», мы не думали, что наша демонстрация будет так чревата событиями. Если вы думали, что демонстрацию не надо было отменять, то вы убедитесь в этом разыгравшимися событиями. Вчера мы [шли] ощупью, сегодня положение ясно, сегодня всякий поймет, из-за чего идет борьба».

Как и Ленин, он признал право Петербургского комитета оценивать действия ЦК, но при этом добавил: «Если бы вы были с нами там, на съезде, то вы бы голосовали вместе с ЦК».

Выступления Ленина и Зиновьева не удовлетворили Петербургский комитет. Видимо, их объяснения только усилили мнение, что руководство партии в лучшем случае действовало безответственно и некомпетентно, и самым серьезным образом заблуждалось в своей оценке ситуации. Это подтверждают и вопросы, заданные Зиновьеву после его выступления. Г. Ф. Коломин намеренно спросил, предвидел ли ЦК опасность контрреволюционной демонстрации. Зиновьев оставил этот вопрос без внимания. И. В. Косиор спросил, были ли достигнуты какие-либо договоренности относительно демонстрации с Межрайонным комитетом. Зиновьев ответил, что заранее никаких договоренностей не было, однако это ошибка как ЦК, так и ПК. Невский обратил внимание на один из наиболее очевидных грубых промахов, спросив, была ли фракция большевиков на съезде заранее уведомлена о намечавшемся марше протеста. Зиновьев ответил, что не была, и всю вину за это возложил на Петроградскую организацию. Последний и, по мнению членов Петербургского комитета, самый веский вопрос задал А. И. Слуцкий: «Какие доводы, кроме слухов, заставили ЦК отменить демонстрацию?» Зиновьев ответил, что слухи не играли никакой роли, вопрос уже был передан в Президиум съезда.

Теперь пришла очередь выступать представителям руководства Петербургского комитета. Этой возможностью

воспользовались среди прочих Володарский, Томский, Слуцкий, Бокий, Калинин и Лацис. Наиболее значительной была речь Володарского. Ему было поручено выступать от имени Исполкома в целом. Он начал с анализа ситуации, предшествовавшей принятию решения о проведении демонстрации: «Центральный Комитет на заседании Петербургского комитета 6 июня спросил, что может сказать ПК о настроении рабочих масс. Мы не преувеличили настроения, мы сказали: да, перелом в нашу пользу имеется, но желания во что бы то ни стало выйти на улицу нет... В среду (6 (19) июня) пр [авительство] во решило выселить анархистов с дачи Дурново; вспыхнули стачки на заводах Выборгской стороны, едва удалось удержать Путиловский завод и др. Это событие доказало, что в рабочей массе накопилось достаточно горючего материала. Назначенное на пятницу собрание перенесли на четверг. На этом собрании партийные работники П [етроградской] о [рганиза] ции подтвердили, что очень розовых надежд на петроградский пролетариат возлагать нельзя, представители воинских частей дали более оптимистические заявления. ЦК с тремя представителями Исп[олнительной] ком[иссии] Петербургского комитета вынес решение, что демонстрация должна состояться. Мы знали, что Совет примет все меры, чтобы запретить и не допустить нашей демонстрации... Подчеркиваю, что задачей нашей демонстрации был протест против нарастающей контрреволюции... Весь день пятницы мы готовились к демонстрации. В 8^{1/2} часов вечера к нам приехали члены Центрального Комитета со съезда Советов и просили устроить экстренное заседание Исполнительной комиссии Петербургского комитета, Военной организации и Центрального Комитета, ввиду того, что съезд поставил в порядок дня запрет нашей демонстрации. На этом заседании все учли настолько ясно, что распланировали нашу демонстрацию так, что слабые части демонстрации были прикрыты сильными воинскими частями. Мы знали, что контрреволюция может поднять голову, и мы сказали — против двух, что отступления быть не может, что назначенную демонстрацию надо провести в жизнь».

Затем от имени Исполнительной комиссии Володарский подверг ЦК прямой критике:

«В 2 часа ночи ЦК постановляет отменить демонстрацию. Должен прибавить, что это решение было принято тремя голосами, из которых 2 голоса были противниками

демонстрации с самого начала, и тем, что они перетянули на свою сторону одного товарища, они решили вопрос так, как думали правильным решить его с самого начала. Что изменилось в промежуток времени между двумя решениями ЦК? Ровно ничего. Повторяю, мы все учитывали, обсуждая свое последнее решение. Такое положение вещей в нашей партии надо считать величайшей опасностью. Центральный Комитет поступил явно опрометчиво и легкомысленно, но вопрос — когда? Тогда ли, когда решил выйти на демонстрацию, или тогда, когда он ее отменил? Что же нам делать? Исполнительная комиссия не предлагает никакого конкретного выхода из положения, она хочет выслушать доклады с мест. Надо решить три вопроса: 1) необходимо ли было отменять нашу демонстрацию, 2) допустимо ли у нас в партии такое положение, когда колебание одного человека может изменить все решение, 3) каковы наши дальнейшие шаги».

М. П. Томский, также член Исполнительной комиссии, который 6 июня призывал к тщательному изучению вопроса о демонстрации до принятия окончательного решения, был совершенно не удовлетворен критикой Володарского. В своем выступлении он, как и Володарский, проследил всю цепочку принятия решения о проведении демонстрации и высмеял заявление Ленина о том, что в последнюю минуту решение было отменено под воздействием ранее не известных факторов:

«Мы не закрывали глаза на то, чем может кончиться демонстрация, на которую солдаты отказались выйти [не] вооруженными. Мы знали, что все меньшевики и социал-революционеры выступят против нас, мы учитывали то, что Петроградский Совет и съезд [Советов] примут против нас самые решительные меры. Мы были уверены, что буржуазия сделает попытки спровоцировать нас. Т[оварищ] Ленин говорил: «Нам нужно использовать революционное настроение масс, наше дело призывать на мирную демонстрацию, чтобы оказать давление»... Когда же к нам приходят члены ЦК и говорят о контрреволюции, то я считаю это неосновательным... Мы учли все, стрельбу... не казаков, а пулеметов. Опыт московского восстания показал, что казаки — вздор. Думать, что демонстрация будет мирная, было младенчеством».

Томский вспомнил и о заседании 9 июня и подверг нападкам процедуру принятия решения об отмене демонстрации:

«По инициативе Каменева, Ногина и Зиновьева было предложено перерешить наше постановление о демонстрации. Какие же были мотивы? Съезд против нас; это мы учитывали, когда принимали наше решение... Нам грозит опасность,— но когда же нам не грозила опасность? Мы относились к вопросу очень серьезно. Мы говорили: мы выйдем и посмотрим. Если Совету удастся разбить демонстрацию, мы будем разбиты. Но лучше быть разбитыми, чем отказываться от борьбы... Опасность быть разбитыми всегда есть в революции... Все — против двух из Центрального Комитета — решили, что демонстрация должна состояться. Что же нового случилось после этого совещания: резолюция Дана, речь Церетели, но к речам и резолюциям мы приспособляться не можем... Как бы ни прикрывали свое отступление словами, что мы мудрецы, что мы поступили мудро, факт отступления остается фактом. На настроение ЦК влияла наша фракция съезда Советов, которую мы по своей вине не информировали о нашей грандиозной демонстрации. Допустимо ли, чтобы на ЦК партии производила давление фракция?»

В заключение Томский подытожил свои соображения по поводу поведения ЦК, сделав упор на нанесенном ему моральном ущербе. «Никто не станет отрицать,— заявил он,— что ЦК допустил не только политическую ошибку, он проявил недопустимое колебание. Неважно, что в широких кругах появилось недоверие к Центральному Комитету. Важно, что у нас, ответственных работников, подорвана вера в руководство».

Следующим выступал А. И. Слуцкий (член Исполнительной комиссии), который закончил свою речь примерно в том же духе: «Я согласен с товарищами Лениным и Зиновьевым, когда они зовут нас к тщательной организации, но они сделали все, чтобы подорвать нашу организацию тем, что отменили демонстрацию 10 июня». Секретарь Петербургского комитета Г. И. Бокий продолжил почти непрерывный поток критики в адрес ЦК, заострив внимание на роли делегации большевиков в принятии решения об отмене демонстрации. «Принципально,— сказал он,— влияние парламентских фракций на руководящие органы партии недопустимо». Сосредоточившись на главном — ухудшении отношений между Петербургским комитетом и ЦК, Бокий заявил, что эта проблема вовсе не нова. «Мы все сознаем,— отметил он,— ненормальные взаимоотношения между Петер-

бургским комитетом и ЦК, но Петербургский комитет виноват в том, что, имея вопрос о взаимоотношениях между Петербургским комитетом и ЦК в порядке дня нескольких заседаний⁸⁷, он ни разу не дошел до его обсуждения из-за того, что наши заседания открываются с большим запозданием». Бокий настаивал на немедленном разрешении этого вопроса.

Судя по протоколам, только три члена Петербургского комитета поддержали позицию ЦК по вопросу о демонстрации — В. И. Невский, И. К. Наумов и М. И. Калинин. Невский согласился, что отмена демонстрации была достаточно благоразумным шагом, потому что организовать эффективное проведение ее ранее не представлялось возможным. Однако он обвинил ЦК в неоправданной затяжке времени с ответом на призывы Военной организации к проведению марша протеста. Секретарь фракции большевиков в Петроградском Совете Наумов подверг ЦК критике за плохую организаторскую работу, увидел в отмене демонстрации свои положительные стороны. По его словам, подрыв доверия к руководству партии не так уж и плох: «Дай бог, чтобы совсем подорвалось: надо верить только в себя и в массы».

Вполне здраво взглянул на ситуацию Калинин. Он заявил, что Петербургский комитет «судит действия ЦК с узкой петербургской точки зрения, тогда как это акт общегосударственной важности». Калинин выступил в защиту влияния партийной фракции на съезде. «Съездовская фракция имеет у нас значение, и она объявила: Ваше выступление заставит нас выйти из Совета, то есть переведет партию на нелегальное положение. Если бы мы были уверены в том, — говорил он, — что наша демонстрация пройдет как по нотам, мы не должны были бы ее отменять. Но такой уверенности мы не имели. Мы не были уверены и в том, что враги замолкнут перед нашими силами, мы знали, что многие наши товарищи брали с собой оружие и даже бомбы. Такая демонстрация могла окончиться очень печально. При таком положении надо обладать большой смелостью и считать себя безответственными перед массами, чтобы звать их на демонстрацию. В этой демонстрации все оказались против нас, мы были изолированы».

Одно из наиболее показательных выступлений на заседании 11 июня произнес радикал М. И. Лацис. В нем давалась более четкая картина того, насколько подход к демонстрации многих членов партии из Выборгского

района разнился с предложенной ЦК концепцией «мирного марша». Обращаясь, очевидно, к Калинин, Лацис задал вопрос: «Если правильна была отмена, то когда же мы поступили неправильно, когда мы допустили ошибку?..»

Ошибка была тогда, когда мы решили вопрос: мирная или вооруженная будет демонстрация... Для нас (большевиков Выборгского района.— *А. Р.*) было ясно, что солдаты без оружия не выйдут. Рабочие не смотрели на эту демонстрацию как на мирную... Рабочие Выборгской стороны требовали, чтобы слабые части демонстрации были защищены воинскими частями. Предусматривали даже необходимость (здесь Лацис частично ссылается на свои собственные действия.— *А. Р.*) захвата почт, арсенала и телеграфа. Каждый активный работник дал себе отчет, что делать. Каждый ожидал плохого исхода. *Надо было предвидеть, что демонстрация может вылиться в восстание* (курсив мой.— *А. Р.*), если мы к нему не готовы, то надо было отнестись к решению вопроса о демонстрации отрицательно с самого начала».

Судя по протоколам, последним перед объявлением перерыва выступил И. Н. Стуков. Подвергнув предыдущих ораторов резкой критике, он предложил созвать в ближайшее время городскую партийную конференцию для обсуждения накопившихся внутрипартийных проблем. Это предложение поддержал Томский, который заявил, что Исполнительная комиссия также выступает за проведение такой конференции. Очевидно, это предложение повлияло на то, что официальной резолюции по вопросу об отмене демонстрации на заседании принято не было ⁸⁸.

Ленин и демонстрация 10 июня

В своих мемуарах Церетели утверждает, что приготовления большевиков к демонстрации 10 июня не оставляют ни малейшего сомнения, что ее целью было вооруженное восстание, результатом которого стало бы свержение Временного правительства ⁸⁹. Действительно, как мы уже отмечали, это было основным аргументом, использованным Церетели в его призыве к съезду Советов принять решительные меры против большевиков. Исходя из данных, как будто бы полученных им уже после Октябрьской революции, Н. Н. Суханов несколько двусмысленно на-

мекает, что Ленин в тот момент не ставил перед собой задачу непосредственного захвата власти, однако был готов сделать это при благоприятных обстоятельствах и вел дело к их созданию. По словам Суханова, перед демонстрацией 10 июня были разработаны достаточно детальные планы переворота, которые предусматривали даже такие подробности, как конкретная роль отдельных полков в свержении правительства и арест Временного правительства⁹⁰. Основываясь почти исключительно на данных Суханова, прочие мемуаристы и историки интерпретируют сорванную демонстрацию точно таким же образом.

Все еще не заполненные пробелы в опубликованных материалах пока не позволяют дать какой-либо определенный ответ на вопрос о всей глубине ленинского замысла в отношении демонстрации. Причем необходимо заметить, что в большинстве доступных документов и мемуарах имеется крайне мало подтверждений сухановским заявлениям. Вполне вероятно, что Ленин оставлял открытым вопрос, во что может вылиться готовящаяся демонстрация. Более того, в то время позиция Ленина относительно целей демонстрации могла быть до конца не известной рядовым партийным функционерам, особенно в Военной организации. Судя по имеющимся публикациям, на уровне ЦК возможность государственного переворота всерьез не рассматривалась, в общем плане предполагалось использовать демонстрацию для проверки «состояния духа рабочих и солдат» (выражение Э. Карра.— *А. Р.*)⁹¹, а также как средство давления на съезд Советов, чтобы побудить его взять власть в свои руки. В любом случае, если верить протоколам Петербургского комитета, не вызывает сомнения, что если Ленин в тот момент и имел более амбициозные планы, то они не были известны большинству тех, от кого зависел успех их осуществления.

Даже если принять во внимание предположения Суханова, с точки зрения логики имеется достаточно причин, побуждающих с осторожностью относиться к гипотезе о том, что Ленин всерьез рассматривал уличное движение 10 июня как средство захвата власти. Самое же главное: хотя и трудно оценить реальную силу и поддержку большевиков в начале июня 1917 г., но, по-видимому, они были далеко не достаточны, чтобы удержать власть, даже если Временное правительство и было бы смещено на некоторое время. В самый канун запланированной на 10

июня демонстрации заколебалось большое число не только поддерживающих партию большевиков рабочих, но и самих петроградских большевиков, а в гарнизоне верных им частей было намного меньше, чем предполагает в своем запоздалом анализе Суханов. Более того, выборы в местные Советы, армейские комитеты и на Всероссийский съезд Советов обнажили слабость большевиков как в провинции, так и на фронте.

Как будет показано более подробно в следующей главе, Ленин и другие члены ЦК четко представляли себе эти моменты и осознавали потенциальные опасности преждевременного восстания в столице. Однако, как уже говорилось выше, некоторые представители Петербургского комитета и Военной организации были куда менее осторожны, что наглядно проявилось в ходе подготовки к демонстрации 10 июня и еще более — в период усиления напряжения перед июльскими событиями.

Примечания

¹ См.: *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 35.

² Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 136—137, 159; см. также: *Подвойский Н. И.* Военная организация РСДРП(б) и Военно-революционный комитет в 1917 г. // КЛ. 1923. № 6. С. 74.

³ *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в период подготовки и победы социалистической революции: март — октябрь 1917 г. Докторская диссертация. Академия общественных наук при ЦК КПСС. М., 1961. С. 415. Опубликованная версия этой работы: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции: март — октябрь 1917 г. 2-е изд. М., 1964. На одном из заседаний Петербургского комитета в начале июня Невский сослался на выдвинутое ЦК условие, что Военная организация не может принимать окончательных решений по поводу демонстраций без санкции ЦК (см.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 136).

⁴ Там же. С. 136—137; Солдатская правда. 1917. 13 июня. Особое ожесточение в гарнизоне вызвала «Декларация прав солдата» Керенского, обнародованная 11 мая. «Правда» назвала ее «Декларацией бесправия».

⁵ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация / Под ред. Д. А. Чугаева и др. М.; 1959. С. 483—485. Фрагменты протокола этого заседания, опубликованные в данной работе впервые, — единственный документ, который я смог разыскать и который свидетельствует о дискуссиях по поводу демонстрации внутри самой Военной организации. Документ интересен тем, что отражает попытки представителей отдельных подразделений Военной организации оказать влияние на ее политику. Он подтверждает вывод о том, что руководство Военной организации на раннем этапе проявляло интерес к поощрению и подготовке демонстрации.

⁶ *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. С. 235.

⁷ *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 46.

⁸ Солдатская правда. 1917. 6 июня; см. также: Новая жизнь. 1917. 7 июня. Подробная советская интерпретация демонстрации 4 июня представлена в работе *М. С. Ильина* «Демонстрация и митинг на Марсовом поле в Петрограде 4 июня 1917 г.» // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 126—130.

⁹ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 485—487. Крайне фрагментарный протокол этого важного заседания был опубликован здесь впервые. См. также: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. С. 235; *Вавилин И.* Ленин и Петербургская организация большевиков в 1917 году до июля // Ленин как руководитель Ленинградской организации большевиков. С. 9; *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1960. С. 259; о защите Подвойским Военной организации на VI съезде РСДРП(б) см.: Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 62.

¹⁰ Взгляды Ленина относительно наступления на фронте отражены полностью в его сочинениях (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 261—291.— *Ред.*).

¹¹ Каменев изложил все эти соображения в записке, позже представленной им руководству партии (см.: *Петров И. Ф.* Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. С. 235).

¹² Протокол этого заседания приведен в работе: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 136—145.

¹³ На конец мая 1917 г. партийная организация Выборгского района была крупнейшей в Петрограде — 5 тысяч человек (см.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС: В 2 ч. Ч. 1: 1883— октябрь 1917 г. Л., 1962. С. 502).

¹⁴ В Думе Выборгского района большевики обладали значительным большинством. Козловский и Молотов (оба — большевики) были соответственно ее председателем и секретарем. — *ов.* Выборгская районная дума 1917 года // Ленинградская правда. 1927. 4 ноября.

¹⁵ *Горев В. И.* Анархизм в России. М., 1930. С. 105. А. Ш. [Шапиро]. Анархизм-коммунизм и анархо-синдикализм // Голос труда. 1918. 27 янв.

¹⁶ См. настоящее издание. С. 119.

¹⁷ Автор «Голоса труда» анархо-синдикалистской ориентации, безусловно, имел все основания назвать программу анархистов-коммунистов «набором пустых фраз» (см.: Голос труда. 1918. 27 января). Следует отметить, что эти две анархистские группировки большую часть революционного периода противостояли друг другу (см.: *Горев В. И.* Анархизм в России. С. 105).

¹⁸ Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции. Фонд листовок. Ф. 2. № 11641.

¹⁹ *Залежский В. Н.* Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 180—181.

²⁰ См. настоящее издание. С. 138—139.— комментарии М. М. Лашевича относительно общих подходов большевиков и анархистов применительно к событиям в 1-м пулеметном полку.

²¹ *Стулов П. М.* Первый пулеметный полк в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1930. № 3 (36). С. 73.

²² Частично исследование базируется на материалах газет «Речь» и «Известия» от 6—10 июня 1917 г.

²³ В мае анархисты-коммунисты начали издавать газету «Коммуна». После ее закрытия Временным правительством название было изменено на «Свободная коммуна». В СССР я не получил доступа ни к одной из них, а также не обнаружил ни единого номера в западных библиотеках.

²⁴ Не вызывает сомнения тот факт, что Выборгские рабочие по крайней мере отчасти вышли на забастовку, полагая, что приказ Переверзева об освобождении дачи Дурново распространялся и на все находившиеся там организации, включая союз булочников и рабочую милицию. Кроме того, их беспокоило возможное закрытие общественного парка вокруг дачи. На состоявшемся 8 июня вечернем заседании съезда Советов Переверзев однозначно заявил, что его приказ относится только к анархистам (см.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 267).

²⁵ Милуков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 214.

²⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро Исполнительного комитета. М., 1925 С. 274.

²⁷ См.: Церетели И. Г. Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963. Т. 2. С. 197—201. После своего возвращения из Сибири в Петроград в середине марта 1917 г. грузинский меньшевик Церетели был наиболее влиятельной фигурой Совета. Его воспоминания представляются необычайно ценными для понимания роли Советов, и особенно политической ситуации внутри Петроградского Совета, Всероссийского съезда Советов, ВЦИК. При отсутствии адекватных архивных материалов они становятся единственным детальным источником, доступным для изучения этого важного вопроса. См. также: Первый Всероссийский съезд Советов. С. 262—264; Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 387—388; Милуков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 214.

²⁸ Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 202.

²⁹ Первый легальный Петербургский комитет. С. 157; Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде: из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 103; см. также: письмо Е. Д. Стасовой от 9 июня, в котором Московская партийная организация информируется о планах ЦК // Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сб. документов. Т. 1. Март — октябрь 1917 г. М., 1957. С. 13.

³⁰ Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 103—104. После Февральской революции Лацис вел подробные записи о своей агитаторской деятельности. Опубликована была, безусловно, лишь небольшая их часть.

³¹ Революция 1917 года: Хроника событий / Сост. В. Владимиров. М., 1923. Т. 3. Июнь — июль. С. 42.

³² В «Правде» от 11 июня говорилось, что, судя по заседанию 8 июня, демонстрации пользовались широкой поддержкой рабочих и солдат, и это стало официальной советской интерпретацией событий. Одновременно в своем дневнике Лацис записывал, что некоторые рабочие представители восприняли шествие с энтузиазмом, тогда как другие проявляли нерешительность. В выступлении на VI съезде РСДРП(б) Сталин заявил, что, хотя солдаты и рвались на улицы, рабочие еще не разделяли их настроений // Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 15.

³³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 158.

³⁴ Солдатская правда. 1917. 10 июня.

³⁵ В дальнейшем это заявление приобрело особую значимость

в качестве одного из аргументов против правомерности отправки войск на фронт, что стало основной причиной беспорядков в конце июня и начале июля.

³⁶ См.: *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 103.

³⁷ См. там же. С. 104.

³⁸ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 62.

³⁹ См.: *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 443; *Юрнев И.* Очередная ложь // Вперед. 1917. 17 июня; см. также: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 156; *Deutscher I.* The Prophet Armed. New York: Oxford University Press, 1954. P. 267.

⁴⁰ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 216; *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 390.

⁴¹ Основываясь на имеющихся в настоящее время материалах, нельзя полностью исключать возможность правоты Милюкова, который утверждал, что Временный революционный комитет представлял собой совместный анархо-большевистский и административный центр руководства демонстрацией (см.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 216). Сразу после завершения этой неудавшейся демонстрации Луначарский и Либер сделали аналогичные заявления применительно к роли специального комитета, организованного на даче Дурново (см.: Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 444; Известия. 1917. 11 и 15 июня).

⁴² Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 88—89.

⁴³ Объявление от 9 июня, подписанное Бокием и присланное Гельсингфорскому партийному комитету, содержится в том же источнике на с. 88.

⁴⁴ *Быков Г. Д.* Революционная деятельность большевиков Выборгской стороны города Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции // Кандидатская диссертация. ЛГУ, 1951. С. 112.

⁴⁵ Троцкий называет этот лозунг наиболее примитивным призывом к ликвидации Временного правительства (см.: *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 443).

⁴⁶ Текст листовки, расклеенной 9 июня, был напечатан «Солдатской правдой» на следующий день (см.: Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 494—495).

⁴⁷ При подготовке этого раздела особую ценность представили материалы «Известий» от 10—16 июня 1917 г.

⁴⁸ Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 495.

⁴⁹ Текст резолюции съезда в поддержку Временного правительства опубликован в «Известиях» 9 июня 1917 г.

⁵⁰ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 205.

⁵¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполкома и Бюро Исполкома. С. 186—187.

⁵² *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 205—206.

⁵³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 156; *Игнатов Е. I* Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов // ПР. 1927. № 6 (65). С. 104.

⁵⁴ На вечернем заседании съезда 9 июня Керенский решительно опроверг эти слухи: к Петрограду не движется никаких казачьих полков, это невозможно, потому что наша задача заключается в том,

чтобы посылать войска на фронт, а не в тыл (см.: Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 382).

⁵⁵ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 158—166; *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5 (17). С. 104.

⁵⁶ Там же. С. 104—105; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году С. 164; см. также: *Chamberlin W. N.* The Russian Revolution. Vol. 1. P. 161.

⁵⁷ См. настоящее издание. С. 100—102.

⁵⁸ *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 443; см. также: *Кривошеина Е. П.* Две демонстрации. М., 1931. С. 29.

⁵⁹ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 205—211; Первый Всероссийский съезд Советов. С. 375—378; см. также: *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 48.

⁶⁰ Основными источниками данного исследования являются: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 152—166; *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1960. С. 259; *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 49.

⁶¹ См.: *Игнатов Е.* I Всероссийский съезд Советов... // ПР. 1927. № 6 (65). С. 115; *Шумяцкий Б.* Первый съезд Советов // В дни великой пролетарской революции. М., 1937. С. 59; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 206—209; Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 382.

⁶² См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 156. На заседании съезда Советов 9 июня один из членов большевистской делегации, Кузьмин, от своего имени выразил горькое сожаление по поводу происшедшего: «Товарищи, как ни прискорбно, но я должен заявить, что большинство из нас, представителей трех миллионов рабочих и солдат, как оказалось, даже не подозревало о подготовке всего этого. Будучи одним из представителей, я только сейчас узнал о подготовке такой демонстрации» (см.: Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 382).

⁶³ См.: *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. С. 259; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. 158; *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 49.

⁶⁴ См. настоящее издание. С. 93—94.

⁶⁵ Официальное объяснение большевиков о подготовке и отмене демонстрации приведено в «Правде» 11 июня 1917 г.

⁶⁶ На неофициальном заседании I съезда Советов 10 июня некий не назвавшийся большевик заявил, что рано утром фракция его партии поручила ему сделать сообщение о решении ЦК, собравшегося на даче Дурново. По его словам, узнав об отмене демонстрации, большевики и эсеры-максималисты немедленно покинули заседание Временного революционного комитета, после чего там остались только анархисты // Первый Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 445; Известия. 1917. 11 июня; см. также: *Игнатов Е.* I Всероссийский съезд Советов... // ПР. 1927. № 6 (65). С. 115.

⁶⁷ См.: Биржевые ведомости. 1917. 10 июня; Правда. 1917. 11 июня; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы. С. 192.

⁶⁸ Некоторые мемуаристы, например Церетели, склонны делать акцент на миролюбивом настроении масс и их принципиальной верности Совету и Временному правительству, тогда как более радикально настроенные авторы (Троцкий и Суханов) используют примерно те же

факты для того, чтобы подчеркнуть, что отмена демонстрации вскрыла недовольство масс. Последующие события (например, демонстрация 18 июня и июльское восстание) показывают, что Троцкий, Суханов и Миллюков более достоверно отображают ситуацию, в их оценках прослеживается наличие скрытых радикальных тенденций (см.: *Церетели И. Г. Воспоминания...* Т. 2. С. 219—225; *Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 446*; *Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 4. С. 300—301*; *Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 217—219*).

⁶⁹ См.: *Trotsky L. History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 445—446*.

⁷⁰ См.: Известия. 1917. 11 июня; Революционное движение в России в мае — июне 1917 г.: июньская демонстрация. С. 499—503.

⁷¹ См.: *Лацис М. И. Июльские дни в Петрограде: Из дневника агитатора // ПР. 1923. № 5 (17). С. 102—116*.

⁷² Рабочая газета. 1917. 13 июня.

⁷³ См.: *Флеровский И. П. Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 63*.

⁷⁴ Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 77—78. В своих воспоминаниях Флеровский отмечает, что колоритный лидер анархистов-коммунистов Аснин призывал моряков к немедленным действиям (см.: *ПР. 1926. № 7 (54). С. 66*). В критическом отзыве на книгу Ф. Ф. Раскольникова «Кронштадтцы: из воспоминаний большевика» шесть старых большевиков, бывших кронштадтцев описывают радикальные настроения, преобладавшие в тот момент в их большевистской организации: «Кронштадтскому комитету пришлось бороться с левацкими тенденциями внутри своей собственной организации и корректировать подходы многих видных партийных деятелей по вопросу о вооруженном восстании... Весь Кронштадт так быстро привык к власти Советов, что такая система казалась единственно верной для всей России. Большое число бойцов, огромные запасы оружия и снаряжения способствовали формированию стойких и опасных настроений в пользу немедленного выступления в Петроград в полном составе для свержения Временного правительства... Наконец, в июне месяце к штабквартире партийной организации Кронштадта пришли тысячи матросов и солдат с требованием к большевикам возглавить флот и кронштадтских моряков в походе на Петроград для свержения Временного правительства. Во главе толпы находился Кирилл Орлов (один из лидеров большевиков), который привел толпу к зданию комитета с Якорной площади. Кто-то подал сигнал общегарнизонной тревоги. Все дело чуть не закончилось трагично. Были мобилизованы все силы, и это позволило ликвидировать головокружение» (см.: *Смирнов П., Кондаков Д., Любович А., Герцбург А., Поздеева М., Эммин С. Отзыв на книгу Ф. Ф. Раскольникова «Кронштадтцы: из воспоминаний большевика» // КЛ. 1933. № 5—6 (56—57). С. 214—215*).

⁷⁵ Цит. по: *Флеровский И. П. Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54): С. 67*.

⁷⁶ *Церетели И. Г. Воспоминания...* Т. 2. С. 228.

⁷⁷ См. там же. С. 226—228. Книга Церетели является единственным опубликованным свидетельством, содержащим отчет об этом заседании; см. также: *Владимирова В. Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 56*.

⁷⁸ Правда. 1917. 13 июня; см. также: *Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 4. С. 303*. Это совещание было закрытым, сообщение в «Правде» — единственный газетный отчет о нем.

⁷⁹ См.: *Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 4. С. 305*; Правда.

1917. 13 июня; *Владимирова В.* Революция 1917 года: Хроника событий. Т. 3. С. 56.

⁸⁰ См.: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 4. С. 306; *Trotsky L.* History of the Russian Revolution. Vol. 1. P. 447—451.

⁸¹ Цит. по: *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 231—238.

⁸² См.: Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 21, 23.

⁸³ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7 (54). С. 67; см. также: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 4. С. 322.

⁸⁴ Голос правды. 1917. 14 июня.

⁸⁵ *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопрос истории КПСС. 1966. № 5. С. 52.

⁸⁶ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. С. XV.

⁸⁷ Предположительно Бокий имел в виду постоянные трения между ЦК и Петербургским комитетом по вопросу о руководстве деятельностью партии в городе. Взаимодействие этих двух организаций стояло на повестке дня совещания 30 мая, однако обсуждение этого вопроса не состоялось из-за затянувшихся дебатов по поводу издания Петербургским комитетом своей собственной газеты.

⁸⁸ Общегородская конференция открылась 1 июля.

⁸⁹ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 203.

⁹⁰ *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 402—406. Как утверждает Б. И. Николаевский, источником информации Суханова был Невский: И. Г. Церетели и его воспоминания о 1917 году // Социалистический вестник. 1962. № 9—10. С. 135. В беседе с автором этой книги Николаевский утверждал, что Суханов лично сообщил ему об этом.

⁹¹ См.: *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution. 1917—1923. 3 vols. New York; Macmillan, 1951—1953. Vol. 1. P. 90.